

«Она могла»

(Обитуарий, омаж и поклон Её Светлости Баронессе Маргарет Тэтчер)

Максим Миранский, Москва, 11 апреля 2013 года.

Никогда не делай что-то только потому, что другие люди делают это
Отец Маргарет Тэтчер Альфред Робертс, в одном из разговоров с
дочерью в 1935 году

Нас покинула Баронесса Кестивен, Леди Маргарет Тэтчер (13.10.1925-08.04.2013), она же Мэгги, она же «Железная Леди», она же Маргарет Хильда Робертс, девочка из провинциального Грантама, дочка бакалейщика, перевернувшая весь мир и – что ещё важнее – наше представление о нём.

Редкий политик ощущался так же лично, как она. И дело не только в том, что её реформы коснулись лично почти всех землян – прямо (на родине) или косвенно (за пределами оной): самый вектор мировой истории был вновь перенаправлен на ценности свободы, личной ответственности и достоинства. Стремительно левеющий, ещё с 60-х годов, Запад, похоже, сам не сразу поверил в то, что происходит. Вера в свои силы и вера в свою миссию возвращались. Но кто стоял во главе миссии? Необычное существо, понятное каждому. Дочка лавочника, ставшего мэром, она не была ни простушкой, ни аристократкой. С детства зная досконально, как вести домашнее хозяйство, она умела перевести разговор о политической философии или высоких мировых финансах на язык, понятный докеру, молочнице или коммивояжёру. Казалось, она незримо стояла на каждой кухне рядом с домохозяйками, давая дельные советы об ипотеке или фермерском молоке и привычно шутя на тему о том, «как всё очевидное может быть не понятно только экспертам». Она была слишком хорошо образована (химик-органик, правовед), чтобы, подобно популистам, заигрывать с толпой; она была слишком «из народа», чтобы быть высокомерной. И она не верила, что современная экономика настолько сложна, что в ней не осталось места для обычных человеческих универсальных ценностей.

«Экономика слишком важна, чтобы доверять её одним экономистам». Она и не доверила, при всём её пиетете к оным. И она стала автором одной из самых успешных национальных, а по последствиям – и международных – реформ, какие только знало человечество.

Сегодня только специалисты и пожилые жители Великобритании помнят, что эта страна в 70-е годы влачила жалкое существование под неусыпным контролем раздутого лейбористами государства и профсоюзного движения, насквозь левацкого. «Больной человек Европы», Великобритания погружалась не только в хаос стагфляции, но и, что страшнее, в хаос комплекса неполноценности. Очереди, бездомные на улицах, неубранные нечистоты и перманентные забастовки были для Англии тех лет такой же привычной картиной, как бегущие от высоких налогов актёры и учёные, уезжающие в Америку.

Абсолютно обрушив кейнсианские догмы, Тэтчер и её гениальная команда сократили правительственные и государственные расходы, избирательно упростили и сократили стимулирующие бизнес налоги (подняв НДС и акцизы), отменили валютный контроль, отпустили стерлинг и цены в свободное плавание, чем уничтожили предпосылки к гиперинфляции. И как бы парадоксально это не выглядело для левых, свободные цены при низких налогах на бизнес, монополизации и жёсткой конкуренции дали эффект снижения цен.

Магические формулы соотношения расходов, долгов, процентных ставок и уровня налогов обсуждались Тэтчер и её гениальными финансистами (Джэффри Хау, Найджелом Лосаном, Аланом Уолтерсом и др.) со страстью средневековых схоластов. Но каждый раз, начиная с первых бюджетов 79-81 годов, она выводила эти формулы так, чтобы не пострадал, а, напротив, преуспел средний класс – нормальные люди с нормальными идеалами – локомотив любой нормальной экономики. «На свете есть только 1 экономика – нормальная и ещё советская, плановая».

Сокращение ставки рефинансирования, приватизация неэффективных государственных корпораций и обуздание агрессивных в своём иждивенчестве профсоюзов помогли возродить автомобильную, авиационную и электронную промышленность. Но что ещё более мистифицировало левых, помешанных на тяжёлой индустрии, был перевод британской экономики на более гибкие модели банковского инвестирования, экономики софта и услуг (экономика ноу-хау, экономика знаний). «Виртуальная» экономика не отрицала «реальной», но позволяла вовлечь оную в современную парадигму, в каковой мериллом выступали интересы свободного человека, а не показатели «чугуна и стали» «на душу населения в стране».

Впоследствии, когда инфляцию удалось взять под контроль, она пошла на ещё большие урезания прямых налогов, упростила или попросту отменила многие налоги, чем освободила бизнес для качественных, долгих, а то и венчурных инноваций. Глубокая реформа ипотеки позволила воссоздать «демократию частных домовладельцев», как она это называла. Помешанная на эффективности, будь то личной или производственной, она при этом не была технократом. Напротив, все её реформы, даже самые специальные и лапидарно техничные, были, если угодно, философскими. Они проистекали из доверия к частному человеку и к частной инициативе, из веры в свободную индивидуальность и личную ответственность. На конкуренцию (этот механизм роста качества товара и снижения цен), для поощрения которой она так много сделала, она смотрела через «стёклышко» протестантской этики самосовершенствования, ограниченной лишь властью закона (rule of law). «Закон джунглей» она принимала только на страницах своего любимого поэта, прозаика и журналиста – Сэра Редьярда Киплинга.

А вот во что она точно не верила, было государство. «Социализм есть вера в государство. Люди для него – лишь удобный материал для социального эксперимента. А мы верим в людей – в те миллионы свободных людей, что тратят то, что сами заработали, а не то, что заработали другие». Подобно Рейгану, она видела в государстве «не решение, а часть проблемы». Принять, что государство «лучше человека знает, что для него благо», она никак не могла. Чем меньше государства, тем выше индивидуальная ответственность (читай, свобода). А чем больше свободных людей, умеющих доверять друг другу, тем меньше нужды в государстве. Назовём это... непорочным кругом тэтчеризма. Мега-государство есть конструкт, нарыв недоверия. Львиная доля искусственных мер государственного регулирования экономики была сметена ею с самого начала реформ.

Особой темой для Маргарет Тэтчер всегда были её отношения с Европейским Союзом. Лидер британских «евроскептиков», она никогда не выступала против европейской интеграции как таковой; зато критика ею принципов, механизмов и степени этой интеграции была беспримерной – по своей жёсткости и, увы, по своей предсказательной силе. Чем более влиятельным становилось в Брюсселе леволиберальное и социалистическое лобби, чем больше затратных распределительных программ оно принимало, чем агрессивнее были атаки на суверенитет отдельных стран-членов, тем

ощутимее была пропасть 2ух менталитетов и тем жёстче вела себя Тэтчер, понимая, куда может завести Европу такой вектор. Сегодня, на примере южной Европы, мы с болью видим, КАК она была права. С той только разницей, что роль «дойной коровы» для более зарегулированных и потому менее эффективных экономик Германия играет теперь в одиночку – без, спасибо Тэтчер, Англии. Сократив безадресные расходы на неэффективные европейские программы, урезав государственные займы дома, она привлекла ресурсы, столь необходимые для оборонного бюджета: первые 2 её премьерства пришлись на пик Холодной Войны. Втянув брежневскую экономику в соревнование, которая та не могла выиграть, она и Рейган обрушили коммунизм извне, пока идеологически он сам разлагался изнутри. Одновременно и чуть позже другие столь же успешные либеральные монетаристские реформы прошли во многих странах мира: Польше, Голландии, Индии, Чехии, Малайзии и др. Характерно, что при всех спорах о её наследии, особенно экономическом, существует тема почти тотального компромисса – и, действительно, это трудно не заметить. И обновлённые левые, и все фракции Тори признают (пускай кто-то и сквозь зубы): Англия СТАЛА динамичнее, богаче, гибче, современнее и устойчивее В РЕЗУЛЬТАТЕ ЕЁ РЕФОРМ. Модернизация не только отдельных элементов, правил и сфер экономики, но, что важнее, экономики в целом, СТАЛА необратимой, а мечты о социалистическом реванше пропали втуне и вместе со своими протагонистами – старомодными левыми времён Нила Киннока. Долгосрочные преимущества тэтчеровского капитализма перевесили побочные эффекты «перегрева» 89-90 гг. (за что её так критиковали) – возникла ультрасовременная экономика банковских услуг, высоких технологий и венчурных инвестиций. И теперь уже никого не удивить, когда лейбористы Эдуард Милибэнд, как и лидер Новых левых, другой бывший премьер Тони Блэр, говорят о том, как они благодарны Баронессе за экономические уроки, ею преподнесённые, и за то, как в конкуренции с ней модернизировалась... и сама Лейбористская Партия!

До сих пор не могу забыть свои личные впечатления, с которых всё началось – очарование ею, полный переворот в сознании. Но я был, как узнал позднее, и как она сама узнала потом с удивлением, не одинок. Её ставшее знаменитым интервью на советском телевидении в марте 1987 года сработало, как бикфордов шнур. Мы все подозревали нечто подобное. Но даже самые глубокие скептики были захвачены

врасплох. Какая же пропасть разделяла нас! За 20 минут она разнесла в клочья двух самоуверенных тассовских «международников», пытавшихся «убедить» её в «преимуществах социализма». На ошарашенных советских пропагандистов обрушились скальпельные аргументы и мировая статистика с интеллектуальным напором, к которому они, как читалось по лицам, не привыкли с университетских лет. Самоуверенные улыбки быстро сползли с их лиц, заменяясь гримасами страха, и отправленный потом мамой за хлебом я шёл как в тумане, не понимая, что со мной произошло. За несколько минут в моей голове всё перевернулось. Мне было стыдно. Из почти сомнамбулического состояния меня вырвала реплика местного алкоголика, который, слегка покачиваясь и классически теребя за пуговицу другую жертву «антиалкогольной кампании» 86 года, изрёк: «Толя, ты это видел? Тэтчер? Она же размазывала по стене этих идиотов, Толя, она же размазывала их по стене на глазах 1/6!»*. *(В СССР любили «гордиться» тем, что он занимал 1/6 суши.)

Идеалист в политике, именно она, как известно, «открыла Горбачёва» во время его визита в Чекерс в декабре 84го. Чаще всего не согласные друг с другом, они вышли на более глубокий уровень понимания – и это был уровень искренних убеждений. Перестройка была поддержана Тэтчер с величайшим энтузиазмом, что смягчило крах СССР.

Воительница и хранительница Свободы, Боадика и Виктория в одном лице, она, похоже, выбрала даже день и время ухода. Какое самое любимое время для тех, кто работает, словно священнодействует? Конечно же, утро понедельника – её любимое время. Одновременно дата совпала с Памятной Неделей Холокоста (с воскресенья 7 апреля) и с годовщиной битвы при Геттисберге, первой крупной победы Севера во время Гражданской Войны в Америке. Америку, самую успешную и свободную страну мира, она любила восторженно – и меньше только Англии. А её отношения с Израилем всегда были особыми, ещё со времён депутатства в конце 50-х. «Меня упрекают, что в моих кабинетах было так много евреев. Что ж: я выбирала самых талантливых – и не моя вина, что это так часто совпадало».

«Говорят, большевики спят мало, чтобы отстаивать свои идеалы и интересы. Тогда мы должны спать ещё меньше, чтобы защищать свои свободы». Презиравшая отдых, не спавшая больше 4-5 часов до 75-ти лет, она теперь там, где ничто не происходит. Тем больше пространства для души, которая, как известно, вообще не отдыхает. Viva the Lady, viva the Baroness, viva Margaret!